

Рождество в Зазеркалье

Роджер

Роджер

Рождество в Зазеркалье

«Автор»

2025

Роджер

Рождество в Зазеркалье / Роджер — «Автор», 2025

В канун Рождества в доме, наполненном ароматом хвои и ожиданием чуда, живет девочка Каролина. Её отец, мистер Себастьян, поглощен миром цифр, графиков и вероятностей, где для праздника и простых радостей не остается места. Его обещания — это сухие протоколы, а не тёплые слова. Однажды волшебное зеркало в гостиной открывает Каролине путь в заснеженное Зазеркалье — хрустальный мир, где минуты уходящего года скользят на коньках, а дела греются у костров из черновиков. Чтобы найти своего «настоящего» папу, пленника Ледяного Лабиринта Важных Дел, ей предстоит встретиться со Снеговиком-Валетом, получить хрупкое Рождественское Обещание у Снежной Королевы и пройти через Поля Вечной Занятости. Эта трогательная и глубокая сказка напоминает о том, что самое большое чудо рождается не в сказочных мирах, а в человеческом сердце. Оно способно растопить лёд безразличия и вернуть тепло туда, где его ждут больше всего.

© Роджер, 2025

© Автор, 2025

Роджер Рождество в Зазеркалье

В доме, пропитанном ароматом хвои и корицы, где даже воздух казался густым от предвкушения праздника, жила девочка Каролина. Особенностью этого дома были часы – не простые, а встроенные в резную дубовую полку камина. Но стрелки их показывали не время, а Настроение; вместо боя они извлекали из своих недр тихий, хрустальный перезвон, будто кто-то невидимый ронял на мраморную полку бесчисленные ледяные иголки.

А еще в этом доме жил папа. Мистер Себастьян. Он был подобен сложнейшему механизму тех самых рождественских часов, что украшали башню на городской площади. Весь его мир состоял из шестеренок – больших и малых, видимых и потаенных; из тугих пружин ответственности и бесчисленных циферблатов дедлайнов. Он пребывал в состоянии вечного самозавода, постоянно подкручивая невидимый ключ у себя в виске, чтобы успеть совершить все необходимые для праздника действия.

Он не давал обещаний – это было слишком неопределенно, слишком зыбко для его точной натуры. Вместо этого он составлял «Предпраздничные протоколы» – длинные свитки пергамента (а в реальности – листы электронной таблицы), испещренные пунктами, подпунктами и вероятностными коэффициентами. И когда он озвучивал свои планы, слова его, такие же четкие и холодные, замерзали в теплом воздухе гостиной, повисая в нем призрачными узорами, похожими на те, что мороз рисовал на оконных стеклах, – красивыми, но неживыми, неспособными согреть душу.

Каролина, прижав к груди любимого плюшевого оленя, робко подошла к отцу, склонившемуся над столом, заваленным бумагами. Её взгляд скользнул по бесконечным колонкам цифр и пометкам на полях, прежде чем она, набравшись смелости, прошептала: «Папа?»

Мистер Себастьян не поднял глаз, его перо продолжало выводить аккуратные строки. «Папа, – повторила она уже громче, – а будем наряжать ёлку сегодня?»

Он наконец оторвался от документа, его взгляд был рассеянным, будто он всё ещё мысленно пребывал в мире цифр и графиков. Он снял очки и медленно протёр стекла, выигрывая время для вычислений.

«Вероятность события «Ёлка» в текущих временных рамках, – произнёс он отчётливо, и каждое слово казалось выверенным до миллисекунды, – составляет тридцать семь процентов».

В воздухе между ними, казалось, повисли хлопья цифр – холодные, безрадостные, медленно кружащиеся в такт тиканью каминных часов. Они не таяли, а лишь охлаждали воздух в комнате.

«При условии, – продолжил он, водя в воздухе указательным пальцем, будто рисуя невидимый график, – выполнения подпункта «А» – уборки в комнате, – его палец вывел в воздухе призрачную букву «А», – и подпункта «Б» – завершения мной отчёта о годовой эффективности». Буква «Б» появилась рядом, такая же бледная и неосязаемая.

Каролина молча кивнула, её взгляд потух. Она смотрела, как эти ледяные цифры и буквы медленно растворяются в воздухе, не оставляя после себя ни капли праздничного тепла.

Каролина тихо вздохнула, и её тёплое дыхание, коснувшись холодного оконного стекла, превратилось в призрачный, сиюминутный узор – хрупкий морозный цветок, который был обречён растаять. В глубине души ей так хотелось услышать от отца простое, ясное «да», согретое родительской лаской, тёплое и уютное, как чашка сладкого какао с зефирками. Но вместо этого ей приходилось довольствоваться лишь этими ледяными вычислениями, сухими и безрадостными, как страницы учебника по алгебре.

Наступил канун Сочельника. За окном снег кружился в завораживающем вальсе белых хлопьев, а на небе висела луна – круглая, словно отполированная, и так напоминающая изыс-

канное серебряное украшение на пряничном домике. В этот волшебный вечер Каролина заметила нечто необычное. Большое зеркало в гостиной, обычно послушно отражавшее знакомую комнату, вело себя странно. Его поверхность не показывала ни ёлки, ни гирлянд, ни уютных кресел. Вместо этого в его глубине виднелся таинственный заснеженный лес. Деревья в том лесу были не из дерева, а из чистейшего хрусталя, переливающегося в призрачном свете, а тропинки были прочерчены на снегу причудливым узором, словно кто-то вывел на нём пером, обмакнутым в чернила из замёрзших чернил, замысловатые каракули. И в самом сердце этого ледяного царства, за столом, вырезанным из цельной глыбы льда, сидел её папа. Он был погружён в игру, играя сам с собой в шахматы, где каждая фигура была искусно выточена из сверкающей, прозрачной сосульки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.